

■ Глобальное общество и перспективы развития

О. Н. Яницкий

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС ИЛИ КРИЗИС ЕВРОСОЮЗА?

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6266

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Аннотация. Опираясь на работы отечественных и зарубежных социологов, а также используя собственный опыт общения с мигрантами во время длительных командировок в ряд стран Европы в 1970–1990-х гг., автор пришёл к следующим выводам. Миграционный кризис следует рассматривать в рамках глобального геополитического подхода и тех изменений, которые создаются в процессе перехода к Четвёртой промышленной революции (НТР–4), динамикой политической структуры Европейского союза (далее — ЕС), этноконфессиональными конфликтами и войнами, которые идут далеко за пределами ЕС, то есть как момент глобальной динамики. Массовая миграция из стран Африки и Ближнего Востока в Европейский союз в последние 5–7 лет представляет собой геополитическое «эхо» европейской политики в этом регионе мира прошлых эпох, помноженное на новые возможности, созданные НТР–4. Фактически миграционная политика ЕС сегодня — это политика «мягкого колониализма», обременённая межнациональными и местными этноконфессиональными конфликтами. Миграция и последующая за ней адаптация к новой социокультурной среде — всегда двусторонний процесс. Миграционный кризис имеет несколько уровней: трансконтинентальный, общеевропейский и внутриевропейский, помноженный на растущие разногласия и конфликты внутри ЕС, а также между ним и США. Политика общеевропейского единства и всеобщей толерантности в отношении мигрантов потерпела крах, на её смену пришла политика по принципу «каждый сам по себе». Нынешний миграционный кризис в ЕС подтвердил тезис У. Бека, что мы живем сегодня в обществе «побочных последствий», т. е. ранее принятых решений. Главная опасность политического кризиса ЕС заключена внутри него самого. Это — борьба за дефицитные ресурсы и геополитическое господство над ЕС как целым и между его разными составляющими, поскольку интересы входящих в него стран и запросы всё время изменяются.

Ключевые слова: адаптация, агент, бюрократия, глобальная динамика, Евросоюз (ЕС), кризис, миграция, насилие, НТР–4, протест политический.

Введение

Дискуссии вокруг того, что происходит в Европе или вокруг неё, не утихают ни на день. Я не специалист по миграционным процессам, они меня интересуют только как существенный момент и индикатор характера современной глобали-

зации или, пользуясь терминологией Грамши-Баумана, как момент нового переходного периода, тесно связанного с транзитом мира к Четвёртой промышленной революции (далее НТР–4). Три года назад я вступил в полемику с журналистом А. Бабченко, утверждавшим, что всё скоро образуется и устаканится. Прошедшие годы, и в особенности год 2018-й, продемонстрировали нам и самим европейцам нечто совсем иное.

Стоит заметить, что не только российские и западные журналисты прочли ЕС блестящее будущее, начиная от экономического процветания и до всеобъемлющей и повсеместной демократизации. Достаточно посмотреть книгу С. Хантингтона «Третья волна. Демократизация в конце XX века» (1993). Идея «нашего общего будущего» тогда буквально витала в воздухе. Напомню, что сама эта идея была выдвинута бывшим премьер-министром Швеции Г. Х. Брундтланд. Только такие критически настроенные социологи, как З. Бауман и У. Бек, признавая достижения процесса экономической и социальной интеграции Европы, весьма осторожно, если не скептически, оценивали перспективы этого интеграционного процесса. Европейские учёные, политики и деятели культуры прочли ЕС блестящее будущее в ближайшие 50 лет [Fraser, 2007].

Так случилось, что в 1980–1990-е годы я работал в Европе и потому имел возможность наблюдать некоторые стороны этого интеграционного процесса изнутри. То есть я был их инсайдером, что вполне отвечало моим принципам социологического анализа, в котором личные наблюдения и ощущения от происходящего занимали и занимают центральное место наряду с изучением литературы, проведением качественных исследований, общением с экспертами и дискуссиями с коллегами. Штаб-квартира ЮНЕСКО в Париже — отличное место для наблюдений и дискуссий по любому интересующему вас вопросу. Так вот, ещё в 1985 г., будучи в Осло, я был поражён, несколько там, в этой одной из наиболее демократических стран мира, община мигрантов из Пакистана живет обособленно от остальной жизни этого города. Для меня уже давно стало очевидно, что одно дело — выполнять какую-то работу, пусть даже самую сложную, и совсем другое — интегрироваться в данное общество, приняв его культуру и обычаи.

По моему мнению, всё ещё продолжающиеся протесты жёлтых жилетов в Париже — лишь одно из многочисленных проявлений уже идущего кризиса Евросоюза. Ещё в 1960-х гг. советские учёные Г. Дилигенский и М. Новинская глубоко проанализировали «майский кризис» во Франции 1968 г. Позже Д. Харпер показал, сколь трудна жизнь мигрантов в Европе [Harper, 1982]. Уже тогда было ясно, что это была именно леворадикальная «культурная революция», так как она разразилась на фоне беспрецедентного экономического роста. Наши либеральные экономисты почему-то всегда стараются найти корни политических потрясений только в кризисе экономики. А как насчёт «кризиса повседневности», то есть привычного образа жизни? Как насчёт «кризиса доверия» к власти и других кризисов нематериального порядка?

Вообще, и наши, и западные социологи, напирая на роль экономических или социальных факторов как драйверов общественных перемен, часто забывают о роли института бюрократии и интересах бюрократии как класса. Мне не раз приходилось сталкиваться с железобетонной мощью этого политического института, который был способен загубить любое живое дело путём многочисленных проволочек и следования лишь им известным правилам. Мы часто повторяем, что «время — это деньги», забывая при этом, что *время есть важнейший ресурс нашей жизни*. В своё время французская бюрократическая машина чуть не загубила мне жизнь, и спасло меня только прямое вмешательство посла РФ во Франции Ю. А. Рыжова.

Данная статья есть попытка *системной интерпретации* рассматриваемого процесса и его социальных последствий.

Методы и подходы

Первое. Миграционный кризис в ЕС — сложное явление. Поэтому я рассматриваю его в рамках глобального геополитического подхода и тех изменений, которые создаются в процессе перехода к НТР-4, динамики политической структуры ЕС, этноконфессиональными конфликтами и войнами, которые идут далеко за пределами ЕС, то есть я рассматриваю этот кризис как момент глобальной динамики [Яницкий, 2019].

Второе. Миграционный поток в ЕС из Африки и стран Ближнего Востока имеет сложную структуру, обусловленную как причинами, породившими этот поток, так и его неоднородной социально-демографической структурой, а также разными ожиданиями самих мигрантов, членов их семей, различиями в возможностях, которые есть у этих людей, чтобы реализовать свои планы.

Третье. Миграция всегда есть столкновение двух культур, разных укладов жизни, ожиданий, возможностей и т. д. Поэтому миграцию, согласно гипотезе А. Грамши и З. Баумана (см.: [Bauman & Raud, 2017]), необходимо рассматривать как некий переходный процесс, в ходе которого изменяются как условия жизни, так и сами мигранты.

Четвёртое. Я исхожу из гипотезы, что миграционный кризис в ЕС не является только результатом «ресурсных войн» в Африке или на Ближнем Востоке [Жьеца, 2006]. Этот кризис — лишь одно из проявлений «кризиса повседневности», которая всё более ускоряется и усложняется и потому становится всё более неопределенной, непредсказуемой.

Пятое. Как я уже отмечал ранее, совокупность названных перемен и их ускорение делают процесс адаптации мигрантов к новым условиям жизни их перманентным состоянием. Поэтому идеология «толерантности» — только одна из многих причин нынешнего миграционного кризиса в ЕС.

Что происходило с Европой в последние 16 лет?

Евросоюз был окончательно (юридически) оформлен Маастрихтским договором 1992 г. Мало кто обращает внимание на то, что «Согласие в многообразии» было девизом ЕС, а «Ода к радости» стала его официальным гимном. В него входят 28 государств и ещё 5 являются претендентами на членство в нём.

Можно ли сказать, что девиз и гимн ЕС оправдали себя на деле? К сожалению, с моей точки зрения, нет, не оправдали. Напротив, чем «дальше в лес, тем больше дров», то есть всё больше разногласий, противоречий, расхождений во мнениях как между членами ЕС, так и по отношению к третьим странам, их альянсам и даже в оценке перспектив глобализации.

Сыграл ли миграционный кризис в возникновении разногласий и противоречий существенную роль? Да, сыграл, но далеко не решающую. Массовая миграция из Турции и других ближневосточных стран в Германию и скандинавские страны началась ещё в конце 1970-х гг., и те, кто читал «Нежелательные репортажи» немецкого журналиста Гюнтера Вальрафа, хорошо знают это. Вальраф, используя метод включённого наблюдения, побывав в роли турецкого гастарбайтера (но не только), показал, что напряжённость внутри немецкого общества возникла задолго до официального создания ЕС. Но эта напряжённость усилилась ещё более в связи с активной пропагандой канцлерин А. Меркель политики толерантности.

Рождаемость в ЕС действительно падала, на рынке труда возник дефицит рабочих рук, в особенности лиц низкой квалификации и т. д. Но главное было не в этом, а *в недостатках самой институциональной структуры ЕС, которые вполне можно было бы предсказать*, но нельзя было протестировать.

Если кратко, то главная проблема заключалась в слишком быстром объединении государств и местных сообществ с разным уровнем экономического и социального развития, причём очевидно, что на первом этапе объединения большинство постсоветских стран оказались «содержанками» Германии как самой экономически развитой страны ЕС, во главе которой стояла А. Меркель, фактический идеолог «миграционного удара».

Роль геополитического фактора

Под геополитическим фактором я понимаю геополитические амбиции ЕС и других развитых капиталистических стран, направленные на получение доступа к новым источникам ресурсов и рынкам сбыта. Естественно, что, как и во времена колониальных войн, интересы стран — обладательниц нужных для ЕС и США ресурсов и дешёвой рабочей силы во внимание не принимались. Или же заключались договора и соглашения, заведомо невыгодные для этих стран.

Каким способом можно было максимально облегчить доступ этих стран или транснационального капитала к этим источникам ресурсов? Правильно, посредством подкупа местных элит и разжигания этноконфессиональных противоречий. Европейские политики справедливо подчёркивают роль инсайдерской информации для понимания причин социальных и иных последствий текущего миграционного кризиса. Однако они, естественно, не хотят исследовать его истоки, потому что эти истоки кроются в их собственной достаточно агрессивной политике в отношении тех стран, куда они вторгались под предлогом борьбы с местными диктаторами, коррупцией и т. д.

Поэтому европейские масс-медиа сегодня полны информации о протестах во Франции, убийствах политических лидеров в Германии, «российском следе» в покушении на бывшего российского агента. Но – ни слова о действительных истоках миграционного кризиса в ЕС.

Миграционному кризису в ЕС и его политическим и социальным последствиям социологи ЕС дают своё объяснение. Так, по мнению британского теоретика М. Калдор, этот поток есть результат «нового» характера войны. Он представляет собой смесь войн как таковых, организованной преступности и массового нарушения гражданских прав местного населения всеми сторонами конфликта. Эти «новые» войны могут инициироваться глобальными и локальными, общественными и частными агентами [Kaldor, 2012]. Теоретически это объяснение верно, но оно опять же не даёт ответа на главный вопрос: каковы его истоки?

Каковы содержание и последствия очередного «транзита»?

Предварительно несколько методологических замечаний.

Первое. Проблемы ЕС должны рассматриваться в локально-регионально-континентально-глобальном контексте. Это никакое не умножение сущностей, а реальное положение дел.

Второе. Произошедшее объединение под одной крышей ЕС 28 государств тут же привело в действие силы внутри него.

Третье. За прошедшее десятилетие в Европе и мире интенсивно развивалась информационно-коммуникационная революция.

Четвёртое. Эта революция не только ещё теснее связала ЕС с окружающим миром, но породила гигантскую информационно-коммуникационную «машину», распространявшую информацию о ЕС по всему миру и обратно. ЕС со всеми его возможностями и недостатками оказался как на ладони.

Пятое. В странах и континентах, находящихся вне Европы, в особенности в Африке и на Ближнем Востоке, происходили конфликты и войны, которые порождали массовый исход из них жителей всех национальностей, возрастов, уровня образования, конфессиональной принадлежности и т. д.

Шестое. Этот миграционный поток был сам по себе очень неоднороден. Во-первых, в нём были вынужденные мигранты (*involuntary migrants*). Во-вторых, в этом потоке были и образованные люди, которые хотели бы для себя и для своей семьи лучших и более безопасных условий жизни. В-третьих, в потоке были люди, которые под видом мигрантов перебирались в Европу для своего криминального бизнеса. И наконец, в нём были люди, которые уже стали профессиональными террористами.

Иными словами, первый вывод заключается в том, что возникла очень сложная социально-политическая «машина», которая начала действовать практически самостоятельно и к воздействию которой ЕС не был готов. Эта «машина» очень быстро обрела характер бизнеса по доставке мигрантов из Африки в Европу.

Второй вывод состоит в том, что эта «машина» ударила в первую очередь по Греции и Италии, затем по Испании и т. д., создав тем самым дисбаланс в отношениях между северной и центральной Европой с одной стороны, и южной — с другой.

Далее, глобальный социально-политический климат вокруг ЕС сильно изменился. Главное — это новая политика президента Д. Трампа в отношении ЕС, требование увеличить расходы на поддержание контингента НАТО в ЕС и т. д. К тому же Трамп легализовал управление глобальными процессами через «Твиттер», т. е. посредством масс-медиа.

Затем, отношения ЕС и Турции стали нестабильными. Это важно, потому что в Турции в лагерях беженцев из стран Африки и Ближнего Востока находится по разным подсчётам от одного до двух миллионов человек. Если ЕС откажется субсидировать эти лагеря, то давление «миграционной машины» на ЕС резко усилится.

Кроме того, уже три года, как конфликт в геополитическом треугольнике «Россия—ЕС—Украина», особенно в отношении территориальной схемы и объёма поставок российского газа в ЕС, остаётся нерешённым. Причём чем дальше, тем больше первую скрипку в этом конфликте играют США.

Необходимо учитывать, что соотношение сил внутри самого ЕС всё время меняется. Это, прежде всего, формирование в Брюсселе евробюрократии как мощной политической силы. Далее, это изменение расстановки политических сил в ЕС в целом, с формированием противостояния правоцентристских и левоцентристских политических партий. При этом собственно центристские политические силы, особенно в Германии, Франции и Австрии, продолжают слабеть.

Вся глобальная геополитическая «машина» не только всё время ускоряется под воздействием информационных технологий, но (с выходом на международную арену Китая) также меняет свою конфигурацию и расстановку военно-политических сил.

Когда ЕС только создавался, глобальная информационно-коммуникационная сеть только-только начала формироваться. Сегодня же она настолько всеобъемлющая и всепроникающая, что любой «чих» в одном конце планеты может отозваться в другой её части.

Наконец, за прошедшие годы сформировался мощный класс или, лучше сказать, *система евробюрократии, которая имеет свои собственные интересы*, отличные от интересов отдельных стран, входящих в ЕС. Здесь речь уже идёт не столько о Германии и Франции, сколько о молодых бюрократах, выходящих из стран Балтии, сразу понявших, что быть европейским бюрократом не только более выгодно, но и наиболее безопасно. Конфликты между местной и международной бюрократией я неоднократно наблюдал в Польше и других, тогда ещё социалистических, странах. Разрыв в доходах и пенсиях потрясающий — в 20 и более раз! Я бы назвал этих молодых евробюрократов «евроолигархами».

Массовая миграция как системный процесс

Всеобщая, в том числе социальная и территориальная мобильность — системный признак происходящих в мире перемен, что было убедительно показано Дж. Урри [Уггу, 2007] и другими исследователями. Поэтому ни идеология толерантности, ни различия в уровне жизни в ЕС и, скажем, странах Африки, не могут сами по себе рассматриваться как главные драйверы массовой миграции Юг—Север. Силовое вмешательство развитых стран в социальную ткань менее развитых и просто отсталых в целях доступа к новым источникам ресурсов — вот одна из главных причин массового исхода из стран Африки и Ближнего Востока.

Другим драйвером этой массовой миграции, как уже отмечалось, является развитие глобальной информационной сети, которая дала возможность беднейшему населению этих стран увидеть совершенно другой уровень жизни и условия существования. А увидеть — значит попробовать достичь их. Замечу, что это знание не является единственным мотивирующим массовое переселение фактором. Вторая мировая война началась ещё в эпоху Третьей промышленной революции. Радио и телефонная связь уже были, но все имперские амбиции мотивируются, прежде всего, необходимостью доступа к новым источникам богатства, будь то природные ресурсы или историко-культурные ценности.

Разрыв между идеей (или идеологией) и практикой

Несомненно, что толерантность (терпимость, сочувствие, сопереживание) суть важный признак демократической системы. Да, это так, но — только на словах, не более! Канцлерин А. Меркель и другие идеологи толерантности боялись заглянуть в «чёрную дыру» глобального миропорядка, уже много веков основанного на праве сильного; территорию, где непрерывно идёт жестокая борьба за ресурсы и геополитическое господство. «Демократических» империй не бывает! И конечно, сторонники политики «открытых дверей» не просчитали всех её возможных экономических и социальных последствий. То есть не

просчитали веера возможных последствий той самой системной динамики, о которой только что шла речь. Ситуация миграционного кризиса в ЕС ещё раз подтверждает тезис У. Бека, что мы живём в эпоху «побочных последствий» (side effects) [Beck, 1999]. Но точкой отсчёта «побочных последствий» должны быть не взаимоотношения ЕС и Африки или Ближнего Востока, а динамика всей глобальной социобиотехнической системы (СБТ-системы). Ещё лучше, если бы и мы, и европейские политики умели бы предсказывать динамику этой системы и возможные, в том числе критические, отклонения от её траектории. Но для этого нужна не драка за парламентские или бюрократические кресла в Брюсселе, а сложная динамическая модель глобального прогнозирования, похожая на ту, которая уже формируется в отношении глобального круговорота вещества и энергии. Но эта система прогнозирования завязана на космических процессах, прогнозировать которые мы пока не умеем.

Другая сторона той же проблемы заключается в том, что поток мигрантов (и весь миграционный поток) трактуется как совокупность некоторых неизменяемых единиц (констант), тогда как в действительности этот поток состоит как минимум из следующих категорий населения. Это люди, спасающиеся от войн и других бедствий. Это те, кто уже получил образование в США или ЕС и потому стремятся туда вернуться, чтобы реализовать свой социальный потенциал. Искатели приключений или лёгкой наживы, которые есть в любом обществе. Террористы и радикалы, стремящиеся отомстить совокупному Западу за свою бедность, унижения и пренебрежение к их обычаям и верованиям. В этой массе есть «проводники», бизнес которых состоит в доставке потенциальных мигрантов на южный берег Средиземного моря и затем в переправке беженцев в ЕС через море, или же в обмане и ограблении этих несчастных людей.

Наконец, идеологи и политики «толерантности» не учли того принципиального обстоятельства, что мигранты, уже находясь на территории ЕС, начнут бороться за свои гражданские права и свободы. И чем сильнее европейские власти будут этому сопротивляться, тем сильнее будет нажим на них со стороны вынужденных переселенцев. Уже прошло почти семь лет с момента начала массового переселения, а миграционный кризис ещё весьма далёк от своего разрешения.

Черты и последствия миграционного кризиса сегодня

Во-первых, этот кризис уже несколько лет присутствует в социальной повестке дня ЕС. Во-вторых, этот кризис имеет собственную динамику, связанную, прежде всего, с разногласиями между странами — членами ЕС относительно его причин и способов выхода из него. В-третьих, миграционный кризис стал не переменным пунктом в политической повестке дня этих стран, которые очень по-разному отреагировали на приток мигрантов. В-четвёртых, те мигранты, которым удалось прорваться через многочисленные заграждения и достичь

одной из стран ЕС, ведут себя по-разному. Одни стараются легализоваться и максимально включиться в жизнь европейских городов, другие, легализовавшись, включаются в борьбу за свои гражданские права, третьи, напротив, инкапсулируются, создавая в городах ЕС этнические гетто.

Всё это происходит в контексте социальных и политических изменений внутри самого ЕС, у правящей элиты которого нет единства взглядов на внутреннюю и внешнюю политику Евросоюза. За прошедшие семь лет возникло несколько *геополитических новаций*. Во-первых, стало очевидным, что объединённая Европа далеко не едина по всем азимутам. Её ядро не в ладах с бывшими странами социалистического лагеря. Польша становится всё теснее связанной с США, фактически её сателлитом. Ясно также, что за эти годы дистанция между «продвинутым» севером ЕС и его «отстающим» югом продолжает увеличиваться, что привело некоторых политиков Евросоюза к идее «Европы разных скоростей». Это так всегда и было, но что с этим делать сейчас, никто не знает. Тем более что именно юг ЕС принимает на себя первый удар очередной миграционной волны. В общем, на поверку оказывается, что ожидаемой социально-политической интеграции 28 стран ЕС так и не произошло. Странно другое, что этих различий в «скоростях» создатели ЕС не видели или не хотели видеть. А принцип в этом «демократическом» лагере простой: своя рубашка всегда ближе к телу создателей ЕС, чего нельзя преодолеть никакими их увещеваниями.

Поэтому Брюссель ведёт себя по отношению к бывшим социалистическим странам, а также и в отношении Италии и Греции, как имперский центр. Брюссель навязывает им свои коды и правила игры, никак не учитывая экономической, социальной и культурной специфики этих стран. И тем самым провоцирует появление в этих странах как лево-, так и праворадикальных настроений и соответствующих мобильных групп. Более того, по неясным до конца причинам вся Европа сегодня «болеет» этим политическим кризисом.

Неясно потому, что если ранее в ЕС действительно ощущался недостаток рабочей силы, то сегодня в ходе сплошной информатизации и появления «умных машин» рынок труда и, прежде всего, неквалифицированного труда неминуемо будет сокращаться. И если нужны рабочие руки, то это скорее будут строители, сварщики, дорожные рабочие, то есть те, чью специальность можно получить относительно быстро. Но даже из этой среды рекрутинговые агентства Германии, Польши или Чехии предпочитают брать на работу русских, украинцев, белорусов или молдаван, то есть лиц европейской культуры.

Неготовность Европы к миграционному удару

Почему сильная объединённая Европа оказалась не готовой к этому удару? Во-первых, потому что она не хотела готовиться к нему, то есть создавать концепции, строить сценарии, моделировать и тестировать: она вела себя так же,

как самоуверенный журналист А. Бабченко, полагавший, что этот кризис быстро разрешится. Во-вторых, потому что к такому повороту событий надо было готовиться заранее. В-третьих, потому что Европа была уверенной в своих силах, а эйфория по поводу столь желанного и долго шедшего процесса интеграции оказалась сильнее реальности. В-четвёртых, уже совсем неожиданным оказался право-левый поворот в структуре политической власти внутри некоторых стран ЕС. Наконец, в-пятых, напор и требования мигрантов оказались куда более решительными, чем можно было предположить.

Предполагаю, что расчёт элиты ЕС был на то, что благодарные мигранты согласятся на все условия, которые им будут предлагаться. Фактически эта элита взяла на вооружение концепцию англичан и других конкистадоров, полагавших, что они несут цивилизацию этим нищим и необразованным индейцам, индийцам и другим народностям. Но эта элита, окопавшаяся в Брюсселе, никак не предполагала, что эти откуда-то взявшиеся люди будут ещё чего-то требовать. Даже те страны или общины ЕС, которые были готовы принять беженцев, не имели никакого социального или иного инструментария, чтобы как-то проверить всё напирющую толпу мигрантов.

В результате европейцы, подобно Д. Трампу, стали строить разного рода заборы, ограждения, коридоры или иные «направляющие», чтобы хоть как-то организовать этот наплыв. Естественно, что этого оказалось недостаточно. Тогда решили создавать лагеря на той стороне Средиземного моря или «фильтрационные лагеря» уже в Европе, в частности такие поселения беженцев уже создали в Баварии и Австрии.

Программа «Инсайдер» на канале Евроньюс недавно рассказала в деталях, как устроены беженцы в этих лагерях. Во-первых, пребывание в них может тянуться неопределённо долго, пока полиция не удостоверится, что данный человек не является террористом. При этом забывают о том, что мигрант может стать таковым, если попадёт в сети соответствующих вербовщиков уже в ЕС. Во-вторых, хорошо известно, что в самом Брюсселе есть район, куда местной полиции лучше не соваться не только потому, что там можно получить пулю в лоб, но и потому, что правые политические силы нашли общий язык со вчерашними мигрантами.

Итак, «от и до» на институциональном уровне

Вот краткое описание типичного пути мигранта из своей страны в ЕС, с чего всё начинается, что его ожидает в пути и чем эта долгая дорога заканчивается. **Во-первых**, наиболее распространёнными факторами, срывающими мигранта с его привычного места жительства, являются война или столкновения местных сообществ (кланов, племен) на почве этноконфессиональных конфликтов. Европейцы уже давно забыли, сколь жестокими были религиозные войны,

так называемые крестовые походы, которые они вели против «неверных», а во многих частях мира такие войны или просто поголовное уничтожение «неверных», включая стариков и детей, продолжают.

Во-вторых, такими выталкивающими факторами являются войны, инициированные «третьей стороной», чаще всего европейцами или американцами. Потом инициаторы делали вид, что они здесь ни при чём, однако продолжали поставлять всем воюющим сторонам оружие, посылая в эти конфликтные регионы своих наблюдателей, военных инструкторов и т. д. То есть действуют по формуле «бизнес есть бизнес», забывая при этом сказать, что это их собственный бизнес и интерес.

В-третьих, в странах, соседствующих с теми, где идёт война, возникают палаточные городки, населённые сотнями тысяч беженцев и вынужденных переселенцев. А раз есть такие поселения, значит, есть и бизнес, с ними связанный. А также есть и политика, когда, например, Германия платит Турции за поддержание жизнеспособности и порядка в этих палаточных городках.

В-четвёртых, часть несчастных жителей «фильтрационных центров», уже на территории Баварии или Австрии, говорят, что они лучше покончат жизнь самоубийством здесь, чем будут изнасилованы и зарезаны там, дома, где идёт жестокая война. Таков реальный выбор для этих «отверженных» там и здесь.

В-пятых, к сожалению, эта чрезвычайно актуальная тема практически не исследуется европейскими социологами, хотя некоторые из них, например, Д. Рухт, чрезвычайно обеспокоены сложившейся ситуацией. Почему образовался такой разрыв между социологией и политикой? В частности, потому, что грантодатели полагают, что это – дело политиков, а социологической науке здесь не место. По факту получается, что только журналисты и эксперты из разных стран способны оценить сложившуюся ситуацию. Но они оценивают её только в моменте и *in situ*. Дать прогноз они не способны, так как для этого нужна методология, теория и специальный инструментарий. И, конечно, время.

В-шестых, фундаментальным подтверждением этой странной ситуации является 11-летнее исследование комплексного изучения глобальных рисков, инициированное и проведённое Всемирным экономическим обществом [The Global Risks..., 2018]. Факт глобальной вынужденной миграции там эмпирически подтверждается, но никак не анализируется. А ведь экстерриториальные миграционные процессы – это интегральный результат взаимодействия множества сил и факторов.

В-седьмых, кто же тогда будет реально заботиться о судьбе отдельных людей и их семей? Только лишь «Босоногие врачи» в Латинской Америке и «Врачи без границ» в остальной части мира? Видимо, сильным мира сего удалось подчинить своим интересам глобальное движение за мир, за гражданские права и свободы ([см. Kaldor et al., 2003]). Сегодня та же борьба между интересами глобального целого и нуждами отдельных людей разворачивается на «экологическом поле».

«От и до» на индивидуальном уровне

Итак, вот основные этапы (и состояния) индивида или его семьи от точки исхода (бегства) и до его прибытия на территорию ЕС. **Первый этап** — это действительное бегство этих несчётных людей с насиженных мест под постоянной угрозой насилия, ограбления, разлуки с родными, и собственной гибели. **Второй** — это необходимость платить местным дилерам «шерпам» за попытку избежать этой участи, но безо всяких гарантий. **Третий** — это долгий и мучительный путь по пустыне с риском тоже быть ограбленным, изнасилованным или убитым, но уже местными группами разбойников.

Четвёртый этап — это ожидание любого водного транспорта для переправы группы мигрантов в одну из стран ЕС, имеющую выход к Средиземному морю. **Пятый** — один из самых рискованных — это переправа, при которой нередко гибнут мигранты и/или их дети. Тех, кто доплыл, ждёт полная неизвестность: никто их не встречает, неизвестно, куда идти, но, скорее всего, их встретит кордон береговой охраны, затем отправка в полицейский участок и т. д.

Шестой — те «шерпы», которые уже не первый день занимаются этим бизнесом, знают, где именно можно относительно безопасно углубиться в территорию той или иной страны. **Седьмой** — если эту массу мигрантов уже ждёт кордон или заграждение (стена, сетка, ров и т. п.), то толпа мигрантов вынуждена расположиться лагерем, но воды или еды им никто не даст.

Восьмой этап как один из вариантов «прибытия»: часто корабль (лодку или баржу) с мигрантами никто не хочет принимать, и это судно перебрасывают из одного порта в другой. То есть опять ожидание и неизвестность. На берегу, конечно, совещаются, что делать, но несчастным мигрантам от этого не легче.

Девятый — если всё же мигранты оказываются на берегу, то затем начинается их долгий путь в поисках какого-то убежища или временного пристанища. Поскольку этот приток идёт уже несколько лет, то мигранты мало-помалу начинают дифференцироваться и со-организовываться.

Их дифференциация — отдельная тема, но, в целом говоря, этот поток разделяется на следующие группы: нищие и бедные, ищущие убежища, это основная масса; более молодые и образованные, хотящие реализовать свой социальный потенциал; нахлебники (free-riders), ищущие лёгкой добычи; и террористы, проникающие в ЕС под видом мигрантов.

Десятый этап — это «передержка» мигрантов в фильтрационных лагерях, особенно тех, кто приплыл без документов или потерял их по пути. Вот «картинка» их повседневной жизни: все двери без ключей, запереться даже по нужде невозможно; у тех, у кого есть деньги, их, как правило, отнимают, чтобы не решились на дальнейшее движение вглубь ЕС, поэтому происходит раздача гуманитарной помощи.

Одиннадцатый этап — самый неопределённый, поскольку определение дальнейшей траектории жизни мигранта зависит от многих факторов, но не от него самого. Та неопределённость, непредсказуемость будущего, о которой

много писали З. Бауман, У. Бек, Д. Урри и многие другие социологи, превращается в полную неизвестность для мигранта. Его могут неопределённо долго держать в фильтрационном лагере (проверка и ещё раз проверка на благонадёжность) в ожидании квоты на въезд в какую-либо страну ЕС. Ещё сложнее будет его положение, если мигрант захочет попасть в Великобританию или, скажем, в одну из скандинавских стран. Там весь проверочно-фильтрационный цикл, скорее всего, повторится снова.

Двенадцатый этап может продолжаться неопределённо долго, и он всегда двусторонен: мигрант не только ассимилируется в новой среде, но всегда её изменяет. Российские социологи ещё в 1980-х гг. поняли, что миграция — это всегда двусторонний процесс [Заславская, Корель, 1981; Yanitsky, Zaiionchkovskaya, 1984]. Кроме того, это — процесс перехода в иную социокультурную среду, который всегда сопровождается стрессом и когнитивным диссонансом.

В конечном счёте, этот поток всегда разделяется на несколько «рукавов». Одни стремятся максимально быстро адаптироваться к новым условиям и двигаться дальше по социальной лестнице. Другие разделяют свою жизнь на два качественно различных уклада: на работе мигрант старается соответствовать требованиям нового для него мира, а дома он сохраняет традиционный жизненный уклад. Третьи всеми силами стремятся сохранить свою прежнюю идентичность, тогда как четвертые быстро опускаются на дно, превращаются в бомжей и клошаров. Наконец, пятые превращаются в мелких уличных воришек, обирая зевак и туристов и т. д. Но, так или иначе, процесс адаптации мигрантов к новой среде обитания всегда был и будет актуальной проблемой для социологов (см. [Мастикова, 2016]).

Выводы

ЕС — живой организм или, по-научному, континентальная социобиотехническая система, имеющая свои закономерности динамики, но и зависящая от ситуации во всём мире. Поэтому миграционная проблема — это всегда двусторонняя проблема, с прямыми и обратными связями.

Политики, строившие ЕС, создавали его как конгломерат, а не как живой организм. Нужны были не только «кирпичики» для строительства этого грандиозного сооружения, но и варианты сценариев его возможного развития или разрушения. Почему политики, создающие столь грандиозные конструкции, не испытали модель союза на прочность, на устойчивость, мне совершенно непонятно.

Сегодня бюрократическая «машина» ЕС стоит над любыми другими социальными и политическими институтами. Она, подчиняя их себе, тем самым отчуждает их от общества. Это в первую очередь касается организаций гражданского общества, для которых создаются многочисленные нормы, правила, коды и протоколы, тем самым парализуя их гражданскую активность. Отсюда и «взры-

вы» массового протеста, к которым европейская бюрократия, как и во время майских событий 1968 г. во Франции, оказалась совсем не готовой. В масс-медиа циркулирует мнение, что нынешний протест жёлтых жилетов кем-то социальное сконструирован. Возможно, но разве так уж сложно выяснить, кем именно?

По моему мнению, сегодня Европа расколота по всем азимутам: политическому, социальному, территориальному, интеллектуальному. Поэтому разрушение существующего ЕС неизбежно. Это не значит, что он исчезнет совсем, но его состав, конфигурация и движущие силы будут, несомненно, меняться. Причём чем дальше, тем короче будет время длительности того или иного сценария. Во всяком случае, речь может идти о сроках максимум 15–20 лет, но никак не пятьдесят.

Учёных и политиков интересуют, прежде всего, массовые процессы. Но кто же тогда будет заботиться об отдельных мигрантах, их детях и родственниках, а также о тех, кто остался там, в «горячих точках» нашей планеты? Макросоциология процветает только потому, что она стала интегральной частью глобальной геополитики. По факту получается, что о конкретных людях сегодня заботятся только общественные организации и бесстрашные команды типа «Врачей без границ».

Но есть куда более фундаментальная проблема: почему мир полон протестных акций и движений по важным, но всё же частным поводам, и нет сегодня глобального движения в защиту мира и природы? А ведь после Второй мировой войны такое движение существовало, и оно было создано выдающимися учёными всего мира! Некоторое время также существовало движение за создание «Мирового гражданского общества», но и оно исчезло с политической арены, не оставив и следа.

Видимо, поначалу ЕС хотел быть по отношению к мигрантам коллективным рекрутинговым агентством: брать одних и отбраковывать других. Не вышло! Чем дальше, тем больше продолжается процесс самоорганизации мигрантов, которые, естественно, стали выдвигать свои требования. Насколько эта «реконкиста» окажется действенной, покажет время.

Мне вообще непонятно, зачем ЕС сейчас мигранты совершенно иной культуры? Ведь в ЕС процветают однополые браки, семьи с одним, максимум двумя детьми, дети рано отделяются от взрослых, старики тоже живут отдельно, т. е. в ЕС сложился совсем иной уклад жизни, резко отличающийся от жизни мусульманских семей и сообществ.

Однако, несмотря на названные выше негативные тренды, интегративные процессы внутри ЕС всё же относительно выше, нежели между отдельными участниками АСЕАН, ОДКБ или ЕврАзЭС. И даже выход Великобритании из ЕС не в состоянии надолго снизить интеграционный потенциал между странами, входящими в ЕС, что объясняется тесной культурной и экономической взаимозависимостью внутри этого Союза. На мой взгляд, главная опасность дезинтеграции ЕС заключена внутри него самого. Это — борьба за дефицитные

ресурсы и геополитическое господство между ЕС как целым и его разными составляющими. Тем не менее современный миграционный кризис в ЕС есть лишь момент в уже идущей всесторонней «перестройке» глобального сообщества.

Список литературы

- Заславская Т. И., Корель Л. В.* Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. 1981. № 3. С. 42–52.
- Кьева Дж.* Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния. М.: Эксмо, 2006. 317 с.
- Мастикова Н. С.* Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 г.) // Социологический журнал. 2016. № 1. С. 96–113. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3921>.
- Яницкий О. Н.* Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 29–39. DOI: [10.31857/S013216250003745-2](https://doi.org/10.31857/S013216250003745-2).
- Bauman Z., Raud R.* Practices of Selfhood. Malden, MA: Polity Press, 2017. 153 p.
- Bauman Z.* A Chronicle of Crisis: 2011–2016. London, UK: Social Europe Edition. 2017. 163 p.
- Beck U.* World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 1999. 184 p.
- Fraser M., eds.* European Union: The Next Fifty Years. London: Financial Times Business, 2007. 97 p.
- Harper D.* Living in Two Cultures: The Socio-Cultural Situation of Migrant workers and their Families. Paris: The UNESCO Press, 1982. 265 p.
- Kaldor M.* New and Old Wars: Organized Violence in in a Global Era. Oxford: John Willey ad Sons Limited, 2012. 212 p.
- The Global Risks Report 2018. [Электронный ресурс] // World Economic Forum. Geneva: URL: <https://www.weforum.org/report/the-global-risk-report-2018> (дата обращения: 15.01.2019).
- Urry J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2007. 336 p.
- Yanitsky O., Zaionchkovskaya Zh.* Soviet Sociology relating to rural migration // International Social Science Journal. 1984. № 101. P. 469–485.

Дата поступления в редакцию: 20.01.2019.

DOI: [10.19181/snsp.2019.7.1.6266](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6266)

A Migration Crisis or the Crisis of the European Union?

Yanitsky Oleg Nikolaevich

Doctor of Philosophy, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo st., 24/35, build. 5, 117218, Moscow, Russia.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. Drawing on the works of Russian and foreign scholars and using my own experience of communication with the EU migrants in the run of my long-term stay in Europe, I came to the following conclusions. Modern migration crisis should be analyzed within the frames of a current geopolitical transition conditioned by the Fourth Scientific and Technological Revolution (hereafter, the STR-4),

by the dynamics of the EC political structure, ethno-confessional conflicts as well as by the wars far behind the EU, that is I consider this crisis as a moment of global geopolitical dynamics. In particular, mass migration to the EU from the Near East and Africa during last 5–7 years represents a geopolitical ‘echo’ of former European politics in that part of the world coupled with new opportunities produced by the STR-4. Actually, the EU migration politics is a politics of a ‘soft colonialism’ burdened by international and local ethno-confessional conflicts. Then, the migration and following adaptation to a new sociocultural environment are always two-ways processes. The migration crisis has various scales: transcontinental, all-European, and ca particular country ones coupled with growing disagreements and conflicts inside the EU as well as between it and the US. The politics of all-European unity and all-embracing tolerance failed and it has been replaced by the political principle ‘everybody each on his own.’ Current migration crisis has confirmed the U. Beck’s thesis that we are living in a society of the ‘side-effects’, that is of the side-effects of decisions taken earlier. The main source of the above crisis is rooted inside the EU i.e. it’s the struggle for the deficit resources and geopolitical domination of the Brussels over the rest member-states as well as between them because their interests are permanently evolving.

Keywords: adaptation, agent, bureaucracy, crisis, global dynamics, European Union (the EU), migration, political protest, the STR-4, violation.

REFERENCES

- K’eva Dzh. *Voyna imperiy: Vostok – Zapad. Razdel sfer vliyaniya*. [War of empires: East-West. Division of spheres of influence]. M.: Eksmo publ., 2006. 317 p. (In Russ.).
- Mastikova N. S. Mezhetnicheskaya napryazhennost’ v Rossii i Evrope (po dannym ESS na 2012 g.). [Interethnic tensions in Russia and Europe (according to ESS data for 2012)]. *Sociologicheskij zhurnal*. 2016. № 1. P. 96–113. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3921>.
- Yanitskiy O. N. *Vyzovy i riski globalizatsii. Sem’ tezisev*. [Challenges and risks of globalization. Seven theses]. *Sociologicheskije issledovaniya*. 2019. № 1. P. 29–39. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250003745-2.
- Zaslavskaya T., Korel L. Migratsiya naseleniya mezhdu gorogom i selom [Population Migration between Town and Country]. *Sotsiologicheskije issledivaniya*. 1981. № 3. P. 42–52. (In Russ.).
- Bauman Z., Raud R. *Practices of Selfhood*. Malden, MA: Polity Press, 2017. 153 p.
- Bauman Z. *A Chronicle of Crisis: 2011–2016*. London, UK: Social Europe Edition, 2017. 163 p.
- Beck U. *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press, 1999. 184 p.
- Fraser M., eds. *European Union: The Next Fifty Years*. London: Financial Times Business, 2007. 97 p.
- Harper D. *Living in Two Cultures: The Socio-Cultural Situation of Migrant workers and their Families*. Paris: The UNESCO Press, 1982. 265 p.
- Kaldor M. *New and Old Wars: Organized Violence in in a Global Era*. Oxford: John Willey ad Sons Limited, 2012. 212 p.
- The Global Risks Report 2018*. [Electronic resource]: World Economic Forum. Geneva: URL: <https://www.weforum.org/report/the-global-risk-report-2018> (date of access: 12.01.2019).
- Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2007. 336 p.
- Yanitskiy O., Zaionchkovskaya Zh. Soviet Sociology relating to rural migration. *International Social Science Journal*. 1984. № 101. P. 469–485.

Date received by 20.01.2019.